КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ МИЛАНА СЕДИНА

Развод с предателем.

Ты скрывал сына, а я раскрыла твою аферу!

Камила Левитан
Милана Седина

Развод с предателем. Ты скрывал сына, а я раскрыла твою аферу!

https://litres.ru/74730814
SelfPub; 2026

Аннотация

В пятнадцатую годовщину свадьбы я нашла в гараже мужа любовницу. И сына, о существовании которого не подозревала. Вместо объяснений Григорий вышвырнул меня из дома, пригрозил увольнением и назвал воровкой. Он был уверен: без него я никто. Но я инженер, а не беспомощная жена.

В старом учебнике металлургии скрываются записи о махинациях на нашем заводе. За ними охотятся люди, готовые на всё. Единственный, кто предлагает помощь, — новый хозяин предприятия Виктор Данилов. Опасный, властный и привыкший испытывать людей на прочность.

Чтобы разоблачить мужа, мне придётся рискнуть собственной карьерой, свободой и сердцем. Но на этот раз все условия диктую только я сама.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 19
Глава 4 26
Глава 5 33
Глава 6 41
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Камила Левитан, Милана Седина
Развод с предателем. Ты скрывал сына, а я раскрыла твою аферу!

Глава 1

Свечи пахли ванилью и дешевым парафином. Я поставила их на стол, ровно по центру скатерти с вышитыми лебедями — той, что мы купили в первый год совместной жизни, когда у нас ещё было время выбирать «красивое», а не просто «подходящее». Торт из кондитерской на Ленина стоял рядом, перевязанный лентой. Пятнадцать лет. Ещё столько же — или вечность вместе? Я тогда верила во второе. Мне нужно было верить.

В доме было тихо. Слишком: из кухни слышалось, как потрескивает фитиль, а за дверью никто не возился с ключами. Я поправила ленту на торте и прислушалась. Григорий должен был быть на ночной смене в цеху, но я знала: сегодня он остался «задержаться по документам». Вранье, конечно. Но

красивое, привычное, обкатанное вранье.

Я уже потянулась к телефону, чтобы написать ему «люблю» и «жду», когда услышала это. Приглушенный смех. Он шел снизу. Из подвала. Из того гаражного бокса, который Григорий называл своей «мастерской для души». Мы никогда не открывали его вместе. Прежде там висел тяжёлый замок, ржавый от времени и равнодушия.

Я остановилась с телефоном в руке. Можно написать ему. Подождать здесь, у торта, и сделать вид, что ничего не слышала. Но смех повторился. Кого он привёл в нашу мастерскую? Взяла зажжённую свечу, накинула куртку на плечи и пошла вниз.

Воздух в подвале был затхлым, пахло мазутом и сыростью. Дверь в бокс была закрыта плотнее обычного. На дужке навесного замка блеснула новая сталь. Раньше здесь висел старый калиточный замок, который я могла открыть одной рукой. Этот требовал ключа. Или силы. У меня не было ни того, ни другого, но были руки, привыкшие работать с точными механизмами. Я достала из кармана халата тонкую проволочную отмычку, которую держала для таких случаев — мало ли, где застрянет дверца шкафа или ящика. Поставила свечу на выступ стены, освободив обе руки. Пальцы дрожали, металл холодил кожу, впиваясь в подушечки. Щелчок. Второй. Дверь подалась. Подхватила свечу и шагнула через порог.

Свет аварийной лампы резанул глаза. Красноватый, бо-

лезненный полумрак. И картинка, которая не должна была существовать.

Григорий сидел на старом диване, обнимая Катю — ту официантку из бара «Стальной век», которую он представлял мне как «кузину со стороны матери». Она смеялась, запрокинув голову, и её короткая юбка задралась, показывая стройные ноги в капроновых чулках. Но взгляд мой упал не на них.

Рядом, на полу, среди коробок с запчастями, сидел подросток. Лет четырнадцати, может, пятнадцати. В куртке с эмблемой футбольного клуба. Он ел яблоко, хрустяще и громко, и смотрел на Григория с таким абсолютным, детским доверием, с каким я сама смотрела на Григория десять лет назад.

— Пап, ты обещал новый айфон, — сказал мальчик. Голос ломкий, переходный.

Григорий усмехнулся, поглаживая Катю по плечу.

— Обещал, сынок. Завтра привезу. Главное, чтобы твоя мать не болтала лишнего.

«Пап». Я смотрела то на мальчика, то на Григория. Четырнадцать лет? Пятнадцать? Почти столько же, сколько нашему браку. Я попыталась сосчитать заново, будто могла ошибиться в такой простой арифметике. Я открыла рот, чтобы сказать хоть что-то — имя, вопрос, обвинение, — но горло спазмировало.

Григорий повернул голову. Я ждала, что он отдёрнет руку

от Кати, начнёт объяснять. Он только сузил глаза и стиснул челюсти. Так он смотрел на рабочих, которые без разрешения брали его инструмент.

Он поднялся одним рывком. Катя взвизгнула, прижимаясь к нему. Подросток замер с куском яблока во рту.

— Ты что тут забыла? — прорычал Григорий. Не спросил. Прорычал. Как пёс, охраняющий косточку.

— Годовщина... — прошептала я. Губы онемели.

Он шагнул ко мне. Шаг был быстрым, уверенным. Я попятилась, ударившись спиной о холодную бетонную стену коридора. Григорий схватил меня за плечи. Его пальцы впились в ткань халата, сжимая так, что я почувствовала боль даже сквозь материал.

— Это приватная территория безопасности, Алина! — крикнул он мне в лицо, брызгая слюной. — Ты сюда не имела права соваться!

Я попыталась вырваться, но он толкнул меня. Грубо, без замаха, просто оттолкнул корпусом. Я потеряла равновесие, споткнулась о порог и вылетела наружу, в темноту двора.

Земля была мокрой. Грязный апрельский снег, растаявший и снова замерзший ночью, встретил меня ледяной крошкой. Я упала лицом вниз. Вкус металла и земли заполнил рот. Свеча, которую я несла в руке, сломалась. Горячий парафин плеснул мне на щёку. Боль была острой, но она ничего не значила по сравнению с тем, что происходило внутри.

Григорий вышел следом. Я подняла к нему мокрое лицо — по старой привычке ждала помощи. Он стоял, расставив ноги, и тяжело дышал. Вода стекала с его ботинок прямо к моим коленям.

— Подними себя, — приказал он. — И слушай сюда. То, что ты видела, должно остаться здесь. Никогда. Ни одна живая душа не узнает.

Я приподнялась на коленях, опираясь на скользкую стену гаража. Халат и платье под ним промокли насквозь, липкие от грязи и снега.

— Ты... у тебя есть сын, — выдавила я.

— И что с того? — Григорий достал из внутреннего кармана куртки сложенный лист бумаги. — Подпиши. Здесь написано, что ты добровольно обязуешься хранить тайну семейных дел и не вмешиваться в мои личные активы. В обмен я сохраняю наш брак. Ради статуса. Тебе ведь нравится быть женой главного механика, правда? Тебе нравится, как на тебя смотрят в администрации, потому что я там решаю вопросы.

Я вгляделась в лист. Он успел напечатать это заранее, подобрать слова, сложить бумагу в карман. Пока я выбирала торт на нашу годовщину, мой муж готовил договор о том, как мне молчать.

— Это незаконно, — сказала я. Голос дрожал, но слова выходили четко. — Ты не можешь принуждать меня подписывать что-либо.

Григорий засмеялся. Коротко, сухо. Смех человека, который знает, что у него есть все карты в руках.

— Незаконно? Деточка, ты инженер-технолог, а не юрист. Ты думаешь, я не знаю, как работают профсоюзы? Я звоню своему знакомому в комитете, и завтра же ты получаешь выговор за нарушение техники безопасности. Послезавтра — увольнение по статье. А потом? Потом тебе негде будет жить. Квартира моя. Машина моя. Всё, что ты имеешь, построено мной.

Он вытащил телефон. Экран светился в темноте.

— Мой адвокат уже готовит иск о клевете, если ты пикнешь кому-нибудь. Но я предлагаю сделку. Подписывай. Живи как жена. Молчи как партизан. Или уходи в никуда. Выбор за тобой, Алина. Три секунды.

Страх. Холодный, липкий страх парализовал ноги. Я представила себя без работы, без денег, без дома. Родители? Они давно сказали: «Не связывайся с этим хамом, Алина». Теперь они имели право сказать: «Мы предупреждали».

— Давай бумагу, — произнесла я.

Григорий довольно кивнул. Он протянул мне ручку. Вытерла ладонь о халат и взяла ручку. Но вместо подписи посмотрела на его лицо. На самодовольную гримасу. На Катю, которая выглядывала из-за его спины с любопытством гиены.

— Нет, — сказала я.

Григорий удивленно моргнул.

— Что?

— Нет. Я не буду это подписывать.

Его лицо мгновенно перекосилось. Ярость сорвала маску спокойствия.

— Тогда ты дура.

Он сделал шаг вперед и выхватил из кармана моего халата связку ключей. Моих ключей. От квартиры, от машины, от сейфа в офисе.

— Жена без права голоса должна уйти к родителям, — процитировал он какую-то свою извращенную максиму. — В доме я сменю замки через час. Твои вещи будут сложены у подъезда. Если к утру не заберешь — вывезу на помойку.

Ключи исчезли в его кулаке. Он развернулся и пошел обратно в гараж, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка.

Я осталась стоять посреди двора. Одна. В промокшем платье, с разбитой губой и следами парафина на щеке. Шум ветра заглушал стук моего сердца. Земля уходила из-под ног. Буквально. Ноги соскользнули, и я рухнула обратно в грязь.

Там, у ворот гаража, валялась коробка с хламом. Старые запчасти, ржавые гвозди, обрывки проводов. Григорий всегда складывал туда то, что жалко выбросить. Я споткнулась о неё, пытаясь подняться. Коробка перевернулась. Из неё выпала книга.

«Основы металлургии». Тяжелый том в кожаном переплете. Григорий подарил её мне на свадьбу. С надписью на фор-

заце: «Для мудрости и терпения. Твой Г.» Я читала её тогда от скуки, думая, что это самый романтичный подарок в мире. Знак его профессии, знак его интеллекта (которого у него, оказывается, не было).

Я подхватила книгу. Пальцы наткнулись на странную неровность на корешке. Свежая царапина. Стальная щель. Книга была не просто книгой. Внутри страницы были склеены чем-то липким, желтоватым. Я машинально прижала её к груди. Не читая. Не думая. Просто чувствуя тяжесть. Но Григорий снова распахнул дверь и вырвал том из моих рук. На мою разбитую губу он даже не взглянул, а том сразу прижал к себе. Что могло быть в старом учебнике такого, ради чего он опять выскочил под дождь? Склеенные страницы я успела почувствовать.

Дождь усилился. Холодные капли били по лицу, смывая кровь и парафин. Я побрела к автобусной остановке. Чемодана у меня не было. Только одежда, в которой я вышла из дома, и старый телефон в кармане.

И тут в кармане куртки завибрировал телефон. Тот самый, старый, который я использовала только для связи с родителями. Экран вспыхнул в темноте двора.

Имя вызова: Виктор Данилов.

Я остановилась. Сердце пропустило удар. Виктор Данилов. Новый собственник завода. Человек, которого боялись даже в администрации. Человек, который мог купить этот город целиком. Почему он звонит мне? Сейчас? Когда я стою

в грязи, потерянная, униженная, без дома?

Я посмотрела на закрытую дверь гаража. Оттуда доносился приглушенный смех. Григорий снова смеялся, обнимая Катю. Им было весело. Им было хорошо.

Палец завис над кнопкой «Принять». Капля воды скатилась с экрана. Я не ответила. Но я не выключила телефон. Я положила его обратно в карман куртки. Ужас ещё держал за горло. Но теперь я хотела знать, откуда у Данилова мой номер и что ему понадобилось от меня среди ночи. До остановки я несколько раз проверила экран.

Глава 2

Запах в прихожей был тошнотворно-сладким. Дорогой парфюм Кати, смешанный с ароматом жареного лука из кухни и чем-то ещё — затхлым, подвальным, как плесень на стенах гаража. Григорий стоял у порога, скрестив руки на груди, и смотрел на меня так, будто я была не женой пятнадцать лет, а случайной прохожей, забредшей в чужой двор по ошибке.

Я протянула к нему ладонь, стараясь унять дрожь. Я вернулась за документами и переоделась в оставленные у двери брюки и пуховик. Карманы висели пустыми мешками. Мне нужен был паспорт. До работы, жилья и раздела имущества ещё предстояло добраться; сначала — вытащить из этого дома хотя бы документ с моим именем.

— Верни его, Гриня, — голос сорвался на шёпот, но я заставила себя говорить ровно, как на совещании. — И карты. Я заберу деньги и уйду. Ты получишь тишину. Это честная сделка.

Григорий фыркнул. Этот звук, короткий и сухой, ударил по нервам сильнее пощёчины. Он медленно повернулся к мусорному ведру у стены — тому самому, пластиковому, серому, который мы купили вместе три года назад на распродаже в «Леруа». Внутри уже лежали очистки, пакеты и... мои документы. Я видела уголок обложки паспорта, торчащий

среди огрызков яблок.

— Честная? — переспросил он, и в его глазах вспыхнул хвастливый блеск, который раньше казался мне признаком силы, а теперь выглядел как безумие мелкого чиновника. — Жена без права голоса не имеет права на личность, Алина. Не путай статусы. Ты — приложение. Приложения удаляют, если они глючат.

Он схватил ведро одной рукой, небрежно перевернул его и вытряхнул содержимое прямо на кафельный пол у моих ног. Бумаги рассыпались вокруг грязных пакетов. Паспорт упал сверху на мокрую салфетку.

Я замерла. В горле встал ком, холодный и колючий. Унижение было таким плотным, физическим, что кожа на руках покрылась мурашками. Но внутри, под этим льдом стыда, проснулась злость. Тупая, животная.

Я шагнула вперёд, опускаясь на колени. Кафель леденил колени через тонкие брюки. Мои пальцы потянулись к паспорту, скользнув по липкой жиже.

— Не смей!

Резкий толчок в плечо чуть не свалил меня навзничь. Катя. Она стояла позади, всё ещё в платье с открытой спиной, пахнущем дешевым шампанским. Её лицо исказилось гримасой презрения, она смотрела на меня как на насекомое, которое случайно залезло в её дом.

— Это моя территория, дурочка, — прошипела она, и её рука метнулась, пытаясь выдернуть паспорт из-под моих

пальцев.

Я инстинктивно дернулась назад, но не успела. Григорий оказался быстрее. Его ладонь сомкнулась на моём запястье с силой гидравлического пресса. Боль пронзила руку до самого локтя, острая и горячая. Я вскрикнула, но он не отпускал. Наоборот, сжал ещё крепче, впиваясь ногтями в кожу.

— Не трогай чужое, — прошептал он мне прямо в ухо, и его дыхание было горячим, противным, пахнувшим табаком и страхом. — Синяк будет напоминанием.

Он отпустил меня резко, и я рухнула на пол, прижимая пострадавшую руку к груди. Кожа на запястье уже начала краснеть, пульсируя в ритме сердца. Катя подняла паспорт и бросила его обратно в ведро, которое Григорий снова поставил вертикально. Теперь паспорт был на дне, в грязной мокрой салфетке.

— А деньги я уже спрятала в матрас, на Ленина, — бросила Катя Григорию. — Только попробуй дать ей адрес.

Я встала. Колени дрожали, но я выпрямила спину. Смотрела на них обоих. На эту картинку семейного счастья: мужтиран и любовница-прислуга. Они оба дышали часто, возбуждённо, словно после драки.

— Объясни мне про мальчика, — сказала я. Голос был спокойным. Слишком спокойным. — Кто он? Почему он назвал тебя папой? Что там, в гараже, кроме деталей?

Григорий отвёл взгляд. Его челюсть задёргалась. Я ждала имени мальчика. Хоть одного ответа: сколько ему лет, давно

ли Григорий ездит к нему, кем всё это время была я. Муж посмотрел мимо меня на столик. Как будто я спросила о сломанной розетке.

Он достал из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги и шариковую ручку. Положил их на журнальный столик рядом со мной. Бумага была белой, стерильной, контрастирующей с грязью на полу.

— Подпиши, — сказал он. — Здесь сказано, что ты добровольно отказываешься от претензий, обязуешься хранить тайну и не вмешиваться в дела завода. В обмен я сохраняю брак. Ради статуса, Алина. Тебе ведь нравится называться женой главного механика?

Я посмотрела на бумагу. Строк было много. Мелкий шрифт. Юридическая ловушка. Если я подпишу это, я стану соучастницей молчания. Я потеряю право на имущество, на защиту, на голос. Я стану вещью в его доме, которая должна просто существовать, пока ему удобно.

— Нет, — произнесла я.

Григорий усмехнулся. Эта улыбка была хуже удара.

— Тогда слушай сюда.

Он взял телефон, набрал номер и включил громкую связь. Сигнал вызова длился секунду, затем раздался щелчок.

— Алё, Серый? Это Гриша. Да... опять эти проблемы с поставками. Слушай, тут у меня жена, Алина... да, та самая, инженериха. Она, понимаешь ли, начала задавать вопросы. Про чертежи. Про складские остатки. Боюсь, как бы она чего

не ляпнула лишнего. Может, стоит проверить её контакты? Внезапно.

В трубке раздался хриплый смех и короткое: «Разберемся, Гришан. Не дури».

Григорий сбросил звонок и положил телефон обратно в карман. Он смотрел на меня с торжеством победителя, который держит козырь в рукаве.

— Профсоюз узнает, что ты сливаешь информацию конкурентам. Или следователь узнает, что ты причастна к исчезновению партий оборудования. Тебя уволят по статье. Никто в этом городе не возьмёт инженера с клеймом вора. Ты останешься без работы, без денег, без жилья. А этот дом... — он обвёл рукой пространство, — ...это моё наследство. От бабушки. Доли у тебя нет.

Он перечислял: работа, деньги, жильё. И выдерживал паузу после каждого слова, чтобы я успела представить, как обойдусь без них. Голос был почти домашним; так он объяснял, почему очередной отпуск нам не по карману.

Я сделала шаг назад, к двери. Мне нужно было уйти. Сейчас. Пока он не начал действовать дальше. Пока эта угроза оставалась словами, а не делом.

Но Григорий перехватил меня. Он перегородил выход своим телом, широким, тяжёлым. Запах его одеколона ударил в нос, смешиваясь с потом и яростью.

— Куда ты собралась? Мы ещё не закончили.

Его рука метнулась к замочной скважине. Он вынул связ-

ку ключей. Звяканье металла было оглушительным в тишине квартиры. На кольце болтались три ключа: от входной двери, от гаража и от кладовки.

Григорий посмотрел на ключ от входной двери. Потом на меня. В его глазах читалось наслаждение. Он понимал, что делает. Он не просто выгонял жену. Он демонстративно разрушал фундамент нашей жизни.

Он взял с тумбы пассатижи, зажал ими ключ и с силой согнул его о край металлического косяка. Резкий щелчок разорвал воздух. Одна половинка звякнула об пол, вторая упала к моим ногам. Осколки металла блестели в тусклом свете коридора.

— Ключей больше нет, — сказал он, убирая пассатижи на тумбу. — Ты здесь лишняя. Уходи. Пока я не вызвал охрану.

Я стояла, глядя на эти две половинки на полу. Всё ещё помнила, как этот ключ поворачивается в замке. Половинка с бородкой лежала носиком ко мне — бесполезный кусок металла. Захотелось поднять её, соединить с другой. Глупость. Слёзы подступили к глазам, но рыдать при нём я не собиралась. Он уже ждал этого, отложив пассатижи. Я подняла голову.

Глава 3

Мой взгляд упал на полку. Там, среди пыльных корешков старых учебников и декоративных безделушек, стояла книга, которую он успел принести из гаража. Та самая. «Символ мудрости». Старинное издание в кожаном переплете, которое он подарил мне на свадьбу. Я тогда посчитала это жестом романтика. Сейчас она выглядела как артефакт из другого мира.

Инстинкт, инженерный поиск закономерностей, подсказал мне: потянись к ней. Хоть к чему-то знакомому. Хоть к памяти о том времени, когда он ещё умел улыбаться искренне.

Я сделала движение рукой, схватила книгу. Обложка была тёплой, шершавой.

— Не трогай!

Крик Григория был не командным, а испуганным. Высоким, срывающимся. Он рванул ко мне, выхватывая книгу из моих рук. Его пальцы коснулись моих, грубо, болезненно. Книга выскользнула, раскрылась в воздухе и с шумом упала на пол.

Страницы веером легли на кафель. Одна из них развернулась прямо перед моими глазами. На полях, синими чернилами, были сделаны пометки. Цифры. Коды. И названия фирм. Фирм, которые официально не числились среди по-

ставщиков завода.

Григорий замер. С его лица сошла бравада. Он побледнел. Пот проступил на лбу. Он посмотрел на открытую страницу, затем на меня. В его глазах читался ужас. Не перед мной. Перед тем, что я увидела.

— Это не твоё! — заорал он, топчась на месте, не решаясь подойти ближе. — Закрой глаза! Забудь!

Его реакция была слишком острой. Слишком нервной. Обычный подарок жены не вызывает такой паники у взрослого мужчины, особенно если он уверен в своей безнаказанности.

Я поняла.

Названия на полях я узнала. На заводе этих поставщиков не было, а рядом с ними стояли номера наших деталей. Григорий закрывал от меня уже не Катю с мальчиком. Он закрывал целую цепочку сделок. И оставил её у моих ног.

Я подхватила книгу с пола и сделала шаг назад, в темноту подъезда. Воздух здесь был другим. Затхлым, холодным, пахнущим пылью и одиночеством.

— Я не подпишу, — сказала я тихо. Григорий замер, прислушиваясь. — Но я запомню всё. И эту книгу тоже.

Его лицо исказилось. Смесь ярости и животного страха. Он захлопнул дверь перед моим носом. Щелчок замка прозвучал как приговор.

Я стояла в темноте. Тишина подъезда давила на уши. Сквозняк от лестничного окна ударил в спину, холодный,

как ледяная вода. Я была одна. Без документов, без денег, без дома. С одним чемоданом, который Григорий выставил за дверь, и книгой в руках.

И с одной мыслью, которая жгла изнутри ярче любого фонаря.

Он боялся книги.

Я медленно опустилась на пол, чтобы не упасть. Руки тряслись. Я смотрела на закрытую дверь, за которой остались половинки ключа. Но что-то другое привлекло мой взгляд.

Когда Григорий выхватывал книгу, надорванная страница загнулась. Я раскрыла том на этом месте. Один лист. Только край.

На ней, между строк текста, блеснуло золото. Не печать. Не иллюстрация. Настоящая фольга. Или что-то металлическое, вклеенное внутрь переплета.

Я вспомнила, как он дарил мне эту книгу. Как он говорил, что внутри есть послание для нас двоих. Я никогда не читала предисловие. Всегда считала, что это старая библиография.

А вдруг там было спрятано что-то другое?

Что-то, ради чего он готов был на всё?

Деньги? Чертежи украденного оборудования? Список тех, кого он предал первым?

Холод проник под кожу, заставил вздрогнуть всем телом. Но вместо дрожи появилось чувство азарта. Того самого, который я испытывала, когда находила ошибку в технологической цепочке, которую все остальные пропускали.

Они думают, что сломали меня. Что я буду плакать в подушку и ждать милости.

Пусть ждут.

Я поднялась, отряхнула брюки от пыли. На запястье синел отпечаток его пальцев. Провела по следу большим пальцем и снова раскрыла книгу. Теперь хотелось добраться до каждой цифры, которую он пытался от меня спрятать.

Григорий Петров, главный механик, любящий муж и скрытый вор, сделал первую ошибку. Он показал мне, где зарыт его ад.

Теперь очередь за мной. Найти карту. Прочитать строки. И вытащить оттуда всё, что там спрятано.

Сквозняк усилился, завыл в вентиляции, как сирена. Где-то внизу, в темноте подъезда, хлопнула дверь. Шаги. Тяжелые, размеренные.

Я не стала прятаться. Просто встала боком, прижимаясь к стене, и ждала. Кто бы это ни был, мне нужны были ответы. А ответы были в той книге, которую он так отчаянно пытался скрыть от меня.

За дверью остались мой паспорт и обломки ключа. Здесь были чемодан, книга и чужие шаги снизу. Я крепче прижала том к боку. Сначала выбраться из подъезда. Потом разобраться, что я унесла.

Кабинет Валеры Седого пах старым табаком и отчаянием. Я стояла перед его столом, чувствуя, как холодный пот стекает по спине под тонкой блузкой. Кадровичка сунула мне

трудовую ещё у входа: «Забирай, Гриша велел». Приказа об увольнении не показала. В руках я сжимала трудовую книжку — эту синюю корочку, которая для меня сейчас была важнее паспорта. Важнее жизни.

— Гриша просил придержать коней, — буркнул председатель профсоюза, не поднимая глаз. Он ковырял ногтем край стола, будто там застряла крошка хлеба, а не моя судьба. — Бабы на производстве — лишний шум, Алина. Тебе лучше уйти по-тихому. Заявление «по собственному» уже лежит у секретаря.

— Покажи мне уведомление о прогуле, Валера, — мой голос дрогнул, но я заставила себя говорить ровно, как инструктаж по технике безопасности. — Если они хотят меня уволить официально, пусть обоснуют. Григорий не имеет права решать за меня, где мне работать. Это незаконно.

Он наконец посмотрел на меня. Его глаза были мутными, как дешевое стекло. В них читалось одно: ему было плевать на закон. Ему было важно, что его друг детства Гриша снова будет прав.

— Ты знаешь, как тут всё устроено, — он вздохнул, отодвигая стул. — Иди домой, девочка. Пока не стало поздно.

Поздно? Мне было двадцать лет, когда я поняла, что «поздно» наступает всегда, если ты молчишь. Я положила трудовую на стол прямо перед ним.

— Я буду ждать здесь. Или вы идете к директору, или я звоню в прокуратуру. Выбор за вами.

Валера побледнел. Потянулся к телефону, потом посмотрел на меня: уйду или останусь стоять над душой?

— Звони, — сказала я, убирая книжку в сумку. — Я пока проверю, пропустят ли меня к работе. Дверь распахнулась так резко, что ударилась о стену, оставив вмятину на обоях.

Коридор цеха встретил меня гулом станков и запахом машинного масла. Здесь всегда было шумно, но сегодня этот звук резал уши. Лёха-Барабанщик перехватил меня у поворота на склад. Он был выше меня на голову, широкий в плечах, с руками, привыкшими к железу.

Лёха схватил меня за локоть. Больно. Ощущение, будто кости трещат под пальцами.

— Ты спуталась с новым хозяином? — прошипел он мне в лицо, брызгая слюной. — Гриша сказал, ты сливаешь ему чертежи. Хватит ломать комедию, Алин. Напиши заявление сама, пока мы тебя не вывели.

Меня трясло от злости и унижения. Внутри все кричало: «Отпусти!» Но я знала, что если заплачу, если начну оправдываться, я проиграю еще до начала игры. Инженерная часть моего мозга включилась автоматически.

Резко вырвала руку. Лёха моргнул, разжал пальцы.

— Если я сливаю чертежи, где доказательства? — спросила я громко, так, чтобы слышали секретари из соседнего кабинета. Я сделала шаг вперед, навязывая ему дистанцию, которую он пытался сохранить. — Покажи мне украденную деталь, Лёха. Или я вызываю охрану прямо сейчас.

Его лицо исказилось. Он ждал слез, ждал истерики, ждал жертву. А получил прокурора.

— Да ты совсем... — начал он, но договорить не успел.

Глава 4

Из-за его спины вышел Григорий. Он не кричал. Не бежал. Он шел медленно, заложив руки за спину, как генерал на параде. Его костюм был безупречен, волосы гладко зачесаны назад. Он выглядел так, будто только что вернулся из отпуска, а не из административной войны против собственной жены.

Григорий остановился в двух шагах от нас. Улыбка была холодной, стерильной, как скальпель хирурга.

— Жена должна знать своё место, — произнес он тихо, но каждое слово упало в тишину коридора, как кирпич. Он смотрел не на Лёху, а на меня. Сквозь меня. — Уйди красиво, Алин. Пока я не вынес сор из избы на весь город. Тебе не нужен этот скандал.

«Сор из избы». Он сказал это для тех, кто стоял в дверях: добрый муж уговаривает жену одуматься. Про мальчика, Катю и грязь у гаража они ничего не слышали. Коллеги, толпившиеся в дверях, шептались. Я чувствовала на себе сотни взглядов: осуждающих, любопытных, равнодушных.

Я достала телефон. Экран засветился, отражаясь в стекле витрины. Я включила диктофон и подняла устройство чуть выше, чтобы микрофон ловил его голос.

— Продолжай, Гриша, — сказала я спокойно. — Каждое твое слово может стать уликой в суде.

Улыбка соскользнула с его лица. Глаза расширились на долю секунды. Он посмотрел на значок записи, потом на открытые двери кабинетов. Теперь его слова могли услышать и те, кому он не успел объяснить, какая у него истеричная жена.

— Ты сошла с ума, — процедил он сквозь зубы.

— Возможно. Но я не нарушаю закон, а ты угрожаешь мне увольнением по фиктивному предлогу. Записано.

Григорий развернулся. Каблуки его туфель простучали по бетону, удаляясь. Дверь его кабинета хлопнула так, что с потолка посыпалась пыль. Тишина после хлопка была оглушающей. Лёха попятился, словно я была заразной. Я осталась одна в вакууме чужого презрения, но внутри меня горел маленький, злой огонек. Он боится. Значит, я могу его убить.

Я вернулась к своему станку. Нужно было доказать свою полезность. Плановое задание висело на экране монитора, ожидая подтверждения. Я подошла к панели управления, приложила палец к считывателю. Красный крест.

«Доступ запрещен. Причина: кадровый вопрос».

Я моргнула. Проверила ключ. Работает. Приложила карту. Тот же результат. Григорий использовал свои права главного механика, чтобы программно заблокировать меня. За спиной продолжал работать соседний станок. Мой стоял, ожидая подтверждения, которое я больше не могла дать. Я прижала карту ещё раз — с тем же красным крестом на экране.

Злость сменилась пустотой. Ноги подкосились, и я села прямо на пол рядом со станком, спиной к холодному металлу. Руки дрожали. Я закрыла глаза, представляя, как Григорий сидит в своем кабинете и пьет коньяк, празднуя победу. Он забрал у меня всё. Дом. Брак. Репутацию. Теперь работу.

Но я инженер. Мы помним детали.

Я открыла нижний ящик станка, который Григорий годами считал своим личным хранилищем инструментов. Там лежали отвертки, ключи, старые патроны. И маленькая пластиковая карта доступа к серверу цеха, которую он забыл здесь три месяца назад, когда перекладывал документацию. Он думал, что она бесполезна, потому что пароль менялся каждый день. Но он ошибался. Пароль менялся только для внешних пользователей. Для внутреннего контура заводской сети доступ шел через аппаратную привязку.

Это не взлом. Это память. Это то, чего он не мог у меня отнять, потому что считал меня глупой мышью. Я сжала карту в кулаке. Пластик впился в ладонь. Боль была приятной. Она возвращала ясность.

— Алина Сергеевна, прошу покинуть территорию предприятия.

Голос был вежливым, но твердым. Я подняла голову. Передо мной стояли двое охранников в новой форме. На их бейджах значилось имя компании Виктора Данилова. Они смотрели на меня с легким недоумением, видя женщину в спецовке, сидящую на полу среди железок.

Григорий появился в дверном проеме своего кабинета. Он стоял в стороне, скрестив руки на груди, и наблюдал за этим спектаклем. На его лице играло торжество победителя. Он добился своего.

Я встала. Медленно, выпрямляя спину. Кости хрустнули. Я взяла свой чемодан — единственный предмет, который остался со мной с той ночи, когда я обнаружила Катю в гараже. Чемодан был тяжелым, но я несла его легко.

Проходя мимо Григория, я не взглянула на него. Ни разу. Я смотрела прямо перед собой, на проходную. Моё спокойствие бесило его больше, чем любые крики. Я видела краем глаза, как его челюсть сжалась, как он хотел сказать что-то едкое, но слова застряли в горле. Он не знал, как реагировать на отсутствие реакции.

Выход на улицу встретил меня серым небом и мокрым асфальтом. Город дышал выхлопами и сыростью. У самой проходной, прислонившись к ограждению, стояла Катя.

Она смеялась. Тихо, приятно, демонстрируя ровные белые зубы. На её пальце блестело кольцо — то самое, которое я видела у Григория перед годовщиной. То, которое он прятал в кармане, когда я ждала сюрприза к годовщине.

— Он обещал, что ты уйдешь тихо, — сказала Катя, подходя ближе. Её духи перебивали запах мазута. — Ты нарушила условия сделки, Алин. Теперь тебе негде жить.

Катя произнесла это погромче и посмотрела на проходную: слышат ли? Я стояла с чемоданом, а она — с его коль-

цом. Видимо, ей хотелось, чтобы весь завод запомнил именно такую картинку.

Я посмотрела на кольцо. Вблизи оно выглядело дешевым, золотистое покрытие уже начало стираться на стыках. На наружной стороне кольца была видна гравировка. Дата рождения Кати. Не наша свадьба. Не наша годовщина. Просто дата её рождения. Григорий купил это кольцо давно, планируя замену. Планируя новую игрушку.

Внутри меня что-то оборвалось, но не от боли. От облегчения. Все эти годы я верила, что он хранит наши символы. А он просто готовил инвентарь.

— Спасибо, что подтвердила мою интуицию, — произнесла я ровно.

Катя растерянно моргнула, улыбка сползла с её лица.

— Что?

— Ничего. Просто запомни: он не любит тебя. Он использует тебя. Так же, как использовал меня.

Я обошла её и пошла к парку. Ноги гудели. Голова кружилась от голода и шока. Я села на мокрую скамейку у входа в зеленый массив, обняв колени руками. Холод проникал сквозь ткань брюк, кусая кожу. Я чувствовала полное опустошение. Меня вытерли тряпкой. Григорий победил. Виктор Данилов, скорее всего, тоже считает меня проблемой, которую проще решить, чем разбираться.

Телефон завибрировал в кармане куртки. Экран светился в сумерках.

Виктор Данилов.

Я нажала ответ, поднося трубку к уху. Пальцы были ледяными.

— Алло?

Голос в трубке был низким, бархатным и абсолютно спокойным. Голос человека, который контролирует ситуацию, даже когда мир вокруг рушится.

— Вы нашли книгу? — спросил Виктор Данилов.

Я замерла. Сердце пропустило удар, потом заколотилось быстрее. Книга. Та самая, которую Григорий подарил мне на свадьбу как «символ мудрости». Старый том с потертой обложкой, который я забрала из квартиры, когда уходила. Я уже видела его пометки, но ещё не знала, что за ними стоит.

— Что? — выдохнула я.

— Я знаю, что Григорий ведет двойную бухгалтерию, — продолжил Виктор, игнорируя мое замешательство. — И эта книга — часть схемы. Коды доступа к теневым счетам записаны между страницами.

Тишина повисла между нами, плотная, как туман над заводским прудом.

Я не просто брошенная жена. Я свидетель. И потенциальный союзник в большой игре. Григорий потерял контроль над ситуацией, думая, что выгнал мелкую мышку, а выпустил на волю человека с компроматом.

Я посмотрела на экран телефона, где светилось имя «Виктор Данилов», и поняла: Григорий только что подарил мне

не развод, а билет в ад, из которого можно выбраться только через его голову.

Глава 5

Ветер в промзоне не дул — он резал. Ледяные лезвия находили любую щель в куртке, просачивались под воротник, гуляли по голой шее. Я сидела на остановке «Заводская», прижавшись спиной к холодному стеклу павильона. На часах было два ночи. Город вокруг гудел однообразным басом грузовиков, проезжающих мимо спящих корпусов цехов. Мне нужно было место. Не просто угол, а точка с нулевой видимостью, где меня не найдут ни полиция, которую вызвал Григорий, заявив о краже его документов, ни люди, которых он мог нанять, чтобы «поговорить» со мной по-мужски.

Я огляделась. Лавки заняты: трое бомжей уже свернулись клубком у мусорных баков за круглосуточным «Магнитом». Рядом с ними тлеют костры из картонных коробок. Вонь горелого пластика смешивалась с запахом мокрого асфальта и мочи. Идти туда означало стать их частью. Но именно там был единственный участок, закрытый от камер видеонаблюдения углом здания и рядами стеллажей с пустыми бутылками. Я посмотрела на камеру над входом, потом на угол магазина. За контейнерами меня не видно. Компрессоры гудели так, что заглушали проезжавшие машины. Там можно хотя бы переждать ночь — если те трое не заметят.

Я поднялась. Колени хрустнули так громко, что я испуганно обернулась. Никто. Только ветер снова ударил в лицо.

Домой идти было некуда. Я выбрала ту грязную тень. Я протиснулась между двумя контейнерами, чувствуя, как липкая жижа пропитывает подошвы туфель. Внутри пахло кислым молоком и чем-то сладковато-гнилым. Здесь было тихо. Гул компрессоров создавал белый шум, обволакивающий мозг. Чемодан пристроила за контейнером. Села прямо на землю, прислонившись к холодной стене магазина, и стянула сумку на колени.

И тут началось.

Не слезы. Хуже. Паника. Она подступила к горлу горячим, удушливым кольцом. Перед глазами всплыло лицо Григория в том подвале. Его смех, когда он выталкивал меня наружу. «Это приватная территория безопасности, Алина. Подпиши бумагу или потеряешь всё». Он смотрел на меня не как на жену, а как на помеху в механизме. Как на ржавый болт, который надо выбить молотком.

«Я ничтожество», — шептал внутренний голос. «Серая мышка. Которую бросили, потому что она не интересна. Ни ему, ни этому городу, ни жизни».

Руки затряслись. Я хотела завыть, но звук застрял в груди. Тело начало ныть, требуя сдаться, лечь и не вставать. Это было бы проще. Проще, чем думать. Проще, чем жить.

Чтобы остановить этот шторм, я сделала то, чего никогда раньше не делала. Изо всех сил прикусила внутреннюю сторону щеки. Резкая, острая боль пронзила челюсть, отдавая в висок. Во рту появился металлический привкус крови.

Боль отрезвила. Страх схлопнулся, превратившись в маленькую, злую точку где-то в животе. Слёзы высохли, не успев коснуться ресниц. Вместо них пришла холодная ярость. Чистая, дистиллированная злоба. Я провела языком по ранке и сглотнула кровь. Григорий оставил мне книгу, потому что был уверен: никуда я не денусь, подпишу, приползу. Если пережить эту ночь, утром можно проверить его уверенность. Строки на полях никуда не исчезнут.

— Эй, дамочка, — голос был хриплым, пропитанным дешевым табаком и водкой.

Из темноты между баками вышел мужчина. Лет пятидесяти, в растянутой серой толстовке, с глазками-бусинками, бегающими по моему лицу. Он потянул носом воздух, словно ища запах страха.

— Закурить есть? Или мелочь? — Он сделал шаг ближе, протягивая грязную руку к моей сумке. — Отдай портфель, женщина. Тут опасно. Могут порвать.

Он смотрел на торчащий из сумки корешок. Хотел забрать книгу? Или всю сумку, а мне от страха уже всюду мерещились люди Григория? Григорий сказал: «Бумаги». Он имел в виду не паспорт. Он имел в виду это.

Страх снова дернулся, но теперь он был вторичен. Первичным стало презрение. Я медленно подняла голову. Мои глаза были красными от боли во рту, но взгляд оставался пустым, стеклянным. Я посмотрела на него так, будто передо мной не человек, а мусор, который забыли вывезти. Ни-

какого крика. Никакой мольбы. Просто мертвое, изучающее внимание хищника, который еще не решил, стоит ли тратить время на добычу.

— Ты кто такая? — он попятился. Его рука замерла в воздухе. — Психованная, что ли?

— Уйди, — сказала я. Голос звучал чуждо, низко и ровно.

Он сплюнул на асфальт рядом с моими ногами, пробормотал что-то матерное и растворился в темноте, шаркая подошвами. Я осталась одна. Сердце колотилось где-то в горле, но руки перестали дрожать. Я слушала его удаляющееся шарканье. Он испугался. Меня — с разбитой губой, сидящей между баками. Когда шаги стихли, я разжала пальцы на сумке. Лишь бы не вернулся с остальными.

Желудок свело судорогой. Голод был сильнее холода. Я полезла в карман куртки. Там нашлись тридцать семь рублей мелочью и жвачка. Ни рубля лишнего. Ни кредитки. Григорий забрал все карты, основной телефон остался на зарядке в квартире, ключи он вырвал из кармана халата. Со мной был только старый телефон для звонков родителям.

Я дошла до входа в «Магнит». Двери открылись с шипением, выпуская поток теплого воздуха, пахнущего свежим хлебом и химией. Продавщица за кассой даже не подняла головы от телефона. Я купила бутылку воды и пакет сухариков. Тридцать семь рублей. Последние деньги.

Вернувшись в свой угол за баками, я села на пол, скрестив ноги. Развернула пакет. Сухари были твердыми, как камень.

Я грызла их медленно, наслаждаясь каждым хрустом. Вода была ледяной, обжигала зубы. Это был ритуал. Разбитая щека ныла от каждого хруста. Всё равно я ела. Подохнуть здесь, назло Григорию? Ещё чего. Он и над этим посмеётся.

Пока я жевала, пальцы механически гладили обложку книги. «Основы металлургии». Скучнейшая тема для свадебного подарка. Григорий всегда любил подчеркивать свою значимость через такие вещи. «Читай, умнее станешь», — говорил он тогда, усмехаясь.

Костяшки пальцев наткнулись на неровность. Внизу корешка, там, где обычно видны страницы, чувствовалось странное уплотнение. Будто внутри обложки был не картон, а пластик.

Инстинкт инженера подсказал мне проверить. Я достала из волос заколку — она ещё держала выбившуюся прядь. Аккуратно, стараясь не порвать ткань, подцепила край обложки. Что-то хрустнуло. Тонкий слой картона отслоился. Под ним оказались фальшивые страницы, склеенные друг с другом. А между ними — узкий карман.

Я затаила дыхание. Вынула оттуда сложенный вчетверо лист бумаги. Почерк Григория. Но не тот, размашистый и самоуверенный, которым он писал списки продуктов. Этот был мелким, дрожащим, написанным карандашом.

Цифры. Названия деталей. Даты. И имена посредников.

Схрон. Гараж оказался складом украденного дефицита, который он выводил с завода годами. А книга... Книга бы-

ла сейфом. Он сделал его слишком надежным, уверенный, что я никогда не догадаюсь заглянуть внутрь переплета. Он недооценил мою педантичность.

Шорох шин по мокрому асфальту заставил меня вздрогнуть. Фары автомобиля метнули луч света прямо на стену магазина, разделяя тьму на полосы. Машина подъехала ближе. Медленно.

Полицейские? Люди Григория?

Я инстинктивно засунула лист обратно в карман книги и прижала её к груди, под куртку. Замерла, сливаясь с тенью бака. Сердце билось так сильно, что казалось, оно слышно снаружи. Свет фар скользнул по ближайшему контейнеру, осветил мои туфли, затем поехал дальше. Грузовик развернулся у въезда на территорию цеха и уехал.

Выдох получился долгим, дрожащим. Опасность возросла. Теперь я не просто бездомная жена. Я носитель доказательств крупного хищения. Меня могут убить. Или посадить. Но эта мысль не принесла ужаса. Она принесла азарт. Ценность ситуации изменилась. Я стала игроком.

Утро выдалось блеклым. Небо цвета грязной ваты. Кости ломило так, будто я всю ночь пролежала на льду. Я вышла из укрытия, стряхивая с одежды крошки хлеба и пыль. В витрине «Магнита» отражалась моя фигура. Растрепанные волосы, синяки под глазами, пятна на куртке. Человек, которого Григорий назвал «ничтожеством».

Я задержалась у витрины и пригладила волосы. Синяки и

грязь никуда не делись, зато под курткой лежал лист с его почерком. Григорий ещё не знал, что я нашла карман. Пусть узнает последним.

Голод снова дал о себе знать, но денег не было. Я прошла мимо кофейни, где пахло жареными зернами, и направилась к автовокзалу. Там, на стенде расписания, висели маршруты. Один из них вел в центр города, к бизнес-центру «Урал-Пром», где заседал совет директоров нашего завода. Где работал Виктор Данилов. Новый собственник. Тот, который вчера позвонил мне как возможный спаситель или новый кошмар.

Просить Данилова пожалеть меня я не собиралась. Ему были нужны коды, мне — возможность вернуться на завод и дать Григорию сдачи. Я шла с товаром, за которым он сам позвонил.

Автобус подошел, выпустив облако выхлопных газов. Двери раскрылись с шипением. Втащила чемодан в салон. Сразу предупредила водителя, что заплатить нечем. Он посмотрел на мою разбитую губу и кивнул на сиденье. Я прошла в салон, прижимая книгу к боку так крепко, что ногти впивались в кожу. Села у окна. Двигатель заревел, набирая обороты, и ритм его работы совпал с стуком моего сердца.

Я посмотрела на город за стеклом. Серый, враждебный, полный тайн. Григорий думал, что вытолкнул меня за пределы своей жизни. Он ошибся. Я только начала строить новую. И фундаментом для неё стал его собственный грех, спрятан-

ный в книжной обложке.

Автобус тронулся, увозя меня прочь от мусорных баков и прошлого. Прямо в логово льва.

Глава 6

До кабинета Данилова я не добралась. У бизнес-центра меня остановили полицейские: Григорий уже подал заявление о краже документов. Книгу я прижала к себе и потребовала, чтобы любой её осмотр внесли в протокол.

Холод допросной пробирался под ткань куртки, оседая на ключицах ледяными иглами. Я сидела на жестком стуле, чувствуя себя не человеком, а вещественным доказательством, которое забыли приобщить к делу. Следователь Тарасов, с лицом, изрезанным глубокими бороздами усталости и цинизма, барабанил пальцами по столу. Пустой блокнот лежал перед ним открытым, как раскрытая пасть.

— Алина Сергеевна, давайте будем реалистами, — голос у него был густым, отхаркивающим. — Вы пришли сюда мстить. Обиженная жена, брошенная женщина. Это понятно, это по-человечески. Но закон смотрит на факты. А факты говорят, что вы пытались присвоить имущество работодателя. Подпишите вот этот протокол. Признаете, что взяли чужое, — мы не будем раздувать дело. Адвокат попросит условный срок, и вы сможете спокойно уйти домой. К родителям.

Он протянул ручку. Пластиковую, синюю, дешевую. Она выглядела как игрушка для детей, но в его руках она была инструментом пытки. Если я возьму её, я стану соучастни-

цей. Я признаю, что Григорий прав, что я истеричка, что моя правда ничего не стоит против его статуса главного механика.

Я не взяла ручку. Мои пальцы свело судорогой, но я заставила их расслабиться.

— Ваши цифры не бьются, — сказала я тихо, но четко. Голос дрогнул только на последнем слоге, и я подавила стыд, превратив его в холодную сталь. — Вес стальных баллонов серии М-42 отличается от заявленного в накладных на три килограмма каждый. Логистика склада не предусматривает ручной перенос таких грузов без тельфера, а тельфер был опломбирован. Кто снял пломбу? Григорий не умеет считать граммы, он умеет только брать.

Тарасов замер. Его палец над бумагой остановился. Он посмотрел на раскрытый блокнот, потом на меня. Ручку больше не протягивал. Кажется, про три килограмма и пломбу ему ещё никто не объяснял.

В этот момент дверь распахнулась так резко, что ударилась о стену. В кабинет ворвался Григорий. Он был в своем любимом рабочем комбинезоне, который теперь выглядел грязно и нелепо, а рядом с ним шествовал адвокат в дорогом сером костюме, источающий запах мяты и денег.

— Вот она! — взвизгнул Григорий, тыча в меня пальцем, словно обвиняя во всех грехах мира. — Она все придумала! Она хотела уволиться и насолить мне! Арестуйте её! Я требую защиты свидетеля от преследования бывшей жены!

Его лицо было искажено злобой, пот выступил на лбу. Он кричал так, будто ему не хватало воздуха. Старый Григорий, который командовал мной дома, пытался вернуть контроль здесь, в коридоре власти. Он ждал, что я заплачу, упаду в обморок или начну оправдываться. Ждал, что я снова стану той серой мышкой, которая боится его голоса.

Я медленно отвернулась от него, развернувшись на стуле спиной к двери.

Передо мной были серый линолеум и носки стоптанных кед. За спиной Григорий сопел и повышал голос. От него тянуло перегаром. Я ждала, пока Тарасов вернётся к баллонам. Оборачиваясь, опять дала бы мужу то, чего он добивался: всё моё внимание.

Адвокат кашлянул, пытаясь разрядить обстановку.

— Ваша честь... э-э, товарищ следователь, его жена находится в состоянии аффекта. У неё нет никаких доказательств причастности третьих лиц. Эта книга, которую она носит с собой, — просто старое издание советского справочника по металлургии. Бумага, клей, чернила. Никакой юридической силы.

Я достала книгу. Обложка была потертой, углы загнуты. Григорий подарил её мне на свадьбу «для мудрости и терпения». Теперь я понимала, какого терпения он от меня ждал.

— Страница четыреста двенадцать, — произнесла я, раскрывая книгу. — Там пометки. Карандашом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.